

Придет время достанут!

Как-то возвращаясь с пионерами из похода, мы решили окунуться в небольшом омуте у деревни Ястребово, где по рассказам старожилов во время обороны Москвы в 1941 году утонули два легких советских танка. Экипажи спаслись, но танки вытащить не удалось. Проверить досужие слухи вызвались наши вожатые, точнее плаврук Виктор и кружковод Сергей, он же Ляля.

Соорудив плот из досок с помощью веревки и пяти килограммовой гири, позаимствованной на кухне, они проверяли омут, пока гиря не ударилась о железо и глухой звук, придавленный толщиной воды, не указал на наличие искомого объекта.

Подмосковные речушки и бочаги богаты на подводные родники с ледяной чистой водой, поэтому купаясь в них надо быть осторожным. Даже если вода на поверхности прогрелась и ласкает тело как парное молоко, чуть ниже, чуть глубже, она же может обжечь прозрачным холодом подземных струй.

Нацепив маску, Ляля глубоко вздохнул и начал погружаться. Медленное погружение израсходовало весь воздух и погнало ныряльщика на поверхность, но все же на глубине ему удалось рассмотреть через насыщенную органикой взбаламученную родниками воду неясные очертания башни с пушкой.

Вслед за ним нырнул плаврук. Взяв в руки груз, он уверенно спустился на глубину и сумел рассмотреть башню с открытым люком.

Дежурный в воинской части не разделял восторгов новоявленных краеведов и поисковиков.

— Вы знаете, сколько в подмосковье танков по лесам, да по болотам раскидано? И где столько сил и средств взять на их подъем и транспортировку? — эмоционально парировал он, назвавшись представителем танкового музея.

— Пусть лежит, где лежит! Придет время, достанем! — закончил он фразу и повесил трубку.

Так вот, разгоряченные солнцем и быстрой ходьбой под рюкзаками, мы с пионерами залезли в тот самый бочаг, охолонуть,

освежиться и размять подуставшие от лямок плечи в прохладе неброской подмосковной речушки, прячущейся под высоким берегом с березовой аллеей, идущей к месту, где когда-то стояла барская усадьба.

Особо расслабляться нам было некогда, но потратить на отдых четверть часа мы могли себе позволить. Войдя в воду первым, я сделал глубокий нырок и, насладившись обжигающей стынью родников, в несколько гребков выплыл на середину.

Хороша ты, подмосковная природа! Скрытый в тени высокого берега и древних берез река и небольшая заводь, именуемая бочаг, упирались в залитое солнцем золотое ячменное поле, на другой стороне которого стояла молочная ферма, пахло навозом и свежим молоком.

Пахло и поле. Васильки и ромашки, растущие по обочине, мешали свой лекарственный запах с тонами лесного разнотравья. Запах набравшего спелость душистого овса, готового обнажить наливное зерно в созревшем колосе, мешался с запахом человеческого пота и человеческой крови.

Команда: «В воду!» — потонула в шлепанье босых ног по мелководью и звуках разрываемой в клочья темной воды. Выйдя на берег, я отряхнулся и стал наблюдать за купающимися. Время шло, и надо было торопиться в лагерь, чтобы успеть к полднику. Дети нехотя выбирались из воды, ловя любую возможность, что бы ненароком оступиться, поднять ладошкой облако брызг, еще раз присесть в такую вожденную прохладу.

— Жень, а это что, бомба? Что-то маловата? — протягивал мне фугасную мину пионер.

Металлическое тело некогда грозного снаряда, превратившегося в музейный экспонат, пузато торчало в детских руках, оканчиваясь погнутым сектором со стабилизаторами. Внимание привлекло навершие снаряда, то, что называется взрывателем. Оно было сплющено с одной стороны и тоже погнуто, отчего создавалось впечатление, что мина предназначалась для походов «налево». Несмотря на ржавчину, пикратов-солей пикриновой кис-

лоты, способных инициировать самопроизвольный взрыв, на ее поверхности не было, что несколько упрощало дело.

Забрав снаряд, я остался замыкающим в уходившем отряде. Когда отряд скрылся за поворотом, бросил мину обратно в бочаг: «Пусть лежит, где лежала. Придет время, достанут!»